

Рецензия на книгу: *Вебер Изабелла М. Как Китай избежал шоковой терапии: дебаты о рыночной реформе / Перевод с английского Анны Васильевой. Ереван: Fortis Press, 2024. 520 с.*

© 2024

DOI: 10.31857/S0131281224060138

Русскоязычное издание представляет собой перевод вышедшей в 2021 г. монографии немецкой исследовательницы Изабеллы Вебер. Она окончила экономический бакалавриат в Берлине и магистратуру в Нью-Йорке, а китайскому языку обучалась в Пекинском университете. Книга написана на основе диссертации, защищенной ею в 2018 г. под руководством известного британского китаеведа Питера Нолана в Кембриджском университете¹. В 2016 г. И. Вебер провела десятки встреч и бесед с китайскими и иностранными учеными, которые в свое время лично участвовали в проведении экономической реформы в КНР. Изучение этой темы было финансово поддержано целым рядом фондов и программ Европы, США и Китая. С 2019 г. И. Вебер живет в США и преподает в Массачусетском университете в Амхерсте.

Возможно, не зная выражения «реформа цен — цена реформы», госпожа Вебер ставит в центр своего исследования именно проблемы цен в реформирующемся Китае. Собственно, с самого начала проводится главная мысль работы: КНР, в отличие от России, сумела избежать «шоковой терапии» в первую очередь потому, что нашла приемлемый вариант постепенного перехода от плановых цен к рыночным. Как известно, экономические реформы в России, а также большинстве стран бывшего социалистического лагеря были осуществлены по одному из наиболее радикальных сценариев. «Шоковый» переход от плановой к рыночной системе, как объясняет автор, включает в себя четыре ключевые компоненты (с. 19): одномоментную либерализацию всех цен, приватизацию государственной собственности, либерализацию внешней торговли и жесткий денежно-кредитный и налоговый курс. Этот подход, получивший впоследствии название «Вашингтонский консенсус», рекомендовался единодушно как Бреттон-Вудскими учреждениями (МВФ и Все-

мирный банк), которые консультировали правительства большинства развивающихся стран, включая СССР/Россию, КНР и Индию, так и восточноевропейскими экономистами-диссидентами (Я. Корнаи и др.), чей авторитет базировался на знании реалий централизованного планирования советского типа, так сказать, изнутри. Экономическую демократизацию рекомендовано было провести «в комплекте» с политической — еще один шок для относительно закрытых обществ. В результате переход к рыночной демократии в странах бывшего соцлагеря сопровождался гиперинфляцией, обесцениванием накоплений, криминализацией и ростом социального неравенства, деградацией многих высокотехнологичных производств и другими серьезными негативными социально-экономическими последствиями.

Также общизвестно, что КНР при переходе на рыночные рельсы отказалась от «шокового» сценария и в итоге продемонстрировала значительно более низкую инфляцию и высокие темпы экономического роста. Автор остроумно сравнивает китайские реформы с игрой «дженга», она же «падающая башня» (с. 28). Задача игроков в ней — аккуратно вынимать и перемещать деревянные «кирпичики» так, чтобы избежать обрушения всей конструкции. Судя по сохранению политической стабильности и быстрым темпам модернизации, с этой задачей КПК в целом до сих пор успешно справляется. Квинтэссенцией китайского подхода в 1980-х гг. стало внедрение «двуходальной» системы цен (价格双轨制), выступившее реальной и достаточно эффективной альтернативой «шоковой», т.е. одномоментной либерализации большинства цен.

Сама по себе «двуходальная» система цен хорошо изучена в российской китаеведной литературе (см. прежде всего монографию В.В. Жигулевой², в более широком контексте

¹ Автор сравнительной монографии «Взлет Китая, падение России: политика, экономика и планирование при переходе от сталинизма» (Nolan P. China's Rise, Russia's Fall: Politics, Economics and Planning in the Transition from Stalinism. London: St. Martin's Press, 1995. 360 p. DOI: 10.1057/9780230378360).

² Жигулева В.В. От плана к рынку. Опыт КНР в области реформы системы ценообразования (1978–2005 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. 224 с.

проблема исследуется в работах А.В. Островского³, В.Я. Портякова⁴ и др.). Если упростить, то в рамках такой системы государство устанавливает плановые задания и плановые цены лишь на часть производимой продукции в ключевых секторах. Предприятия же, в свою очередь, сами определяют (исходя из наличия сырья, производственных возможностей и перспективного спроса) объем сверхпланового выпуска. Его реализация осуществляется в договорном режиме и уже по рыночным, а не государственным ценам.

Книга И. Вебер посвящена только первой и четвертой из вышеупомянутых составляющих «Вашингтонского консенсуса» (цены и макроэкономическая политика), вопросы разгосударствления собственности и внешней торговли в ней практически не затрагиваются. Зато приводятся подробности «внутренней кухни» принятия тех или иных решений, насколько это возможно без использования архивов.

По материалам интервью и опубликованных источников автор прослеживает формирование в китайской экономике первой половины 1980-х гг. двух интеллектуальных позиций, боровшихся за влияние на лидеров страны. Первую в основном представляли академические экономисты, которые восприняли аргументацию зарубежных монетаристов (в частности, Милтона Фридмана) и предлагали правительству «шоковый» вариант либерализации цен. Наиболее заметны из них были У Цинъянь, Лю Гогуан, Чжоу Сяочуань, Лоу Цзивэй, также им удалось привлечь на свою сторону «патриарха» китайских экономических исследований Сюэ Муцяо. Они плотно контактировали с известными восточноевропейскими экономистами-диссидентами, в том числе с О. Шиком, П. Кенде, В. Брусом и Я. Корнаи, относительно практики реформ ценообразования в социалистическом лагере (в Венгрии в 1968 г., в Польше в 1970-х и в Югославии). Кроме того, аргументом в поддержку «шокового» подхода служил опыт послевоенной либерализации цен в Западной Германии («чудо Эрхарда»⁵) и Японии (под руководством американского советника Дж. Доджа), а также латиноамериканская

практика (в первую очередь Бразилии и Чили). Сходных позиций придерживались и консультанты со стороны Всемирного банка.

Эти экономисты считали, что от «двухклейной» системы больше вреда, чем пользы, а Китаю необходима полноценная либерализация цен в условиях жесткой макроэкономической политики (повышение кредитной ставки и контроль общего объема кредитования), которая бы ограничила совокупный спрос и не дала развиться инфляции. Таким образом страна могла бы быстро перейти к рыночному ценообразованию, которое будет давать правильный сигнал производителям со стороны спроса. Существование в экономике плановых и рыночных цен они сравнивали с одновременным использованием на дорогах право- и левостороннего движения, грозящего катастрофой. Институционально эти более радикальные рыночники объединились вокруг канцелярии руководящей группы по разработке программы экономических реформ (经济体制改革方案研究领导小组办公室, сокр. 方案办) и журнала «Сравнительные исследования социально-экономических систем» (经济社会体制比较).

Представители другой точки зрения полагали, что реформу цен нужно вести постепенно: сначала отпускать цены «по краям» экономики (т.е. на товары, производящиеся в избытке и не имеющие критического значения для жителей) и лишь затем приступать к переводу на рыночные рельсы центральных отраслей (производящих незаменимое сельскохозяйственное и промышленное сырье — зерно, сталь, хлопок и т.д., а также социально значимые потребительские товары). Ключевыми фигурами были Чэн Ицзы и Ван Сяоцян из Института структурных экономических реформ (中国经济体制改革研究所, сокр. 体改所), которые неоднократно консультировали высшее руководство. Из известных китайских экономистов того времени против «шоковой терапии» также выступали Гао Шанцюань, Ли Ибин и Ань Чживэнь, а из иностранцев — А. Кернкросс, имевший опыт послевоенной либерализации цен в Великобритании (с. 326). В своих рассуждениях китайские противники «шокового» под-

³ Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. 208 с.

⁴ Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Восточная литература, 1998. 238 с.

⁵ Показательно, что в трактовке М. Фридмана и его китайских последователей «чудо Эрхарда» состояло в немедленной либерализации оптовых цен, которая и принесла быстрый успех. Однако посетивший Пекин осенью 1986 г. западногерманский экономист Х.-К. Шнайдер, работавший в тот период в экономическом блоке ФРГ, сообщил, что госрегулирование цен на сталь и энергоресурсы сохранялось в ФРГ вплоть до 1970-х гг. (с. 367–368).

хода опириались в первую очередь на полученный успешный опыт реформ в сельской местности в 1979–1984 гг. Свое значение также имел и опыт КПК по стабилизации цен в 1949–1952 гг. (см. ниже).

Они полагали, что «двухколейная» система неидеальна, но выполняет свою главную задачу — обеспечивает благоприятные условия для постепенного распространения рынка на все отрасли. Ван Сяоцян в начале 1986 г. так объяснял Бао Туну, личному секретарю Чжао Цзыяна (с. 358–359): крупнейшие промышленные предприятия КНР являются социалистическими производственными единицами, которые не могут полноценно реагировать на ценовые сигналы в силу своего монополистического или олигополистического положения. Они создавались не для конкуренции, а для выполнения плановых заданий, поступающих сверху. Горизонтальные связи только зарождаются, предприятия часто не знают своих поставщиков или заказчиков, т.к. снабжение осуществляется через государственную распределительную систему. В условиях жестких макроэкономических ограничений отпуск цен приведет к росту стоимости основного сырья, что неизбежно вызовет повышение цен на продукцию с целью наполнения фонда оплаты труда, т.к. государственные заводы не могут увольнять рабочих или банкротиться. Таким образом, одномоментная либерализация цен несет огромные инфляционные риски.

В основной части монографии автор показывает, как под воздействием этих интеллектуальных дебатов в КНР дважды предпринимались весьма серьезные попытки провести быстрое освобождение основных цен: в 1986 г. — тогда противникам «шоковой терапии», в том числе иностранным консультантам, удалось в последний момент «сорвать стоп-кран», и в 1988 г., когда такой шаг породил высокую инфляцию и стал одной из весомых причин массового недовольства населения. Конспективно последовательность событий можно представить следующим образом.

После ухода из жизни Мао Цзэдуна и краха радикальных маоистов (в лице «банды четырех») вернувшаяся к власти «старая гвардия» (Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и др.) перенесла центр тяжести с политической борьбы на хозяйственное развитие. Прагматики в китайском руководстве старательно избегали поисков «большой правды», т.е. глубокого теоретического обоснования нового курса. Они были настроены на точечные, выверенные действия по повышению уровня жизни и возобновлению хозяйственной активности. В любом случае, дискуссии велись

не между «консерваторами» и «реформаторами», а скорее между сторонниками разных методов. Сил, выступавших за статус-кво, в обществе практически не было. В этом контексте представляет интерес приведенная в книге позитивная оценка достаточно краткого периода руководства Хуа Гофэна — официального преемника Мао Цзэдуна (с. 181–182). Автор указывает на то, что в этот период началось открытие КНР капиталистическому миру: в частности, были возобновлены контакты с зарубежными учеными и установлены дипломатические отношения с США. В области идеологии был сдвинут акцент с политической борьбы на развитие экономики: созданы первые экономические зоны для привлечения зарубежных инвестиций и приоритизировано развитие собственной тяжелой промышленности. Автор заключает, что таким образом была создана основа для дальнейших реформ.

Ценообразование тогда считалось одним из главных направлений, требующих реформ. Многие цены, как показывает И. Вебер, были установлены еще в 1950-х и не менялись десятилетиями (в эпоху Культурной революции, с 1969 по 1978 г., Управление по ценам вообще было закрыто). Накопившиеся ценовые дисбалансы требовали исправления, однако одномоментная корректировка грозила инфляцией и потерей социальной стабильности. В книге хорошо показано, с какой опаской китайские лидеры 1980-х гг. относились к повышению цен (что роднит их с позднесоветским руководством). Вероятно, это связано с тем, что в 1930–1940-х гг. многие из них лично наблюдали гиперинфляцию, которая привела к коллапсу режима Чан Кайши, поэтому рассматривали ценовую стабильность в качестве одной из основ политической легитимности. И. Вебер обращает внимание на удивление западных консультантов от того, насколько трепетно китайское руководство подходит к принятию решений, которые могут привести к повышению цен для населения. Показательна саркастическая фраза из дневника главного экономиста миссии Всемирного банка в КНР Эдриана Вуда: «коммунистическая диктатура, которая даже не может поднять цену на спички» (с. 223, 285).

В свете нынешней цифровизации весьма интересны сведения о том, что в первой половине 1980-х гг. при Госсовете КНР был создан Центр по изучению цен (с. 231), а китайские экономисты несколько лет работали над теоретическим определением справедливых цен, равновесных цен на 1 200 категорий товаров (с. 288). Одним из вдохновителей такого подхода был чехословацкий экономист-диссидент О. Шик, который предлагал перед проведением

либерализации централизованно пересчитать и изменить цены так, чтобы ликвидировать наиболее острые ценовые дисбалансы. В теории это должно способствовать минимизации дальнейших колебаний. Фактически дискуссия шла вокруг того, существует ли в рамках централизованного планирования способ установить наиболее правильные цены «сверху» или этого можно достичь только при помощи рынка. При этом нужно понимать, что планирование в КНР изначально было гораздо менее централизованным, чем советское. Как выявила первая миссия Всемирного банка (осень 1980 г.), в КНР на рубеже 1970–1980-х гг. существовало не менее 5 видов цен на различные товары, для определения которых использовались четыре типа критериев, которые к тому же имели значительные региональные различия (с. 206–210).

Однако пока шли теоретические дискуссии о природе цен и пределах применения при социализме рыночного ценообразования, в новой политической атмосфере на местах начались эксперименты, в первую очередь в сельском хозяйстве. С помощью отмены коллективного подряда и перехода на «двухколейные» цены в ряде регионов удалось серьезно повысить заинтересованность крестьян и в короткие сроки устранил многолетний дефицит продуктов питания. Одной из первых «двухколейную» систему в сельском хозяйстве использовала провинция Сычуань под руководством Чжао Цзыяна, который после этого пошел на повышение и возглавил правительство.

Важным достоинством госпожи Вебер стала подробный рассказ о некоторых совместных конференциях китайских и иностранных ученых по вопросам реформы цен, которые внесли весомый вклад в подготовку практических решений. Так, она информирует читателей о двух больших конференциях на курорте Моганьшань в провинции Чжэцзян, практически неизвестных российским китаеведам. Первая, организованная представительством Всемирного банка в Китае, проходила 11–16 июля 1982 г. и была посвящена главным образом проблемам реформы цен. Одной из задач конференции было ознакомление китайских специалистов со взглядами восточноевропейских ученых-экономистов, изгнанных за радикальные «прорыночные» взгляды из своих стран. Доклад по итогам дискуссии был направлен Чжао Цзыяну и в основные экономические ведомства страны (с. 233–244).

Конференция молодых ученых в Моганьшане (3–10 сентября 1984 г.), проходившая при поддержке Чжэцзянской академии общественных наук, была квалифицирована позже

как «ключевое событие в разработке политики реформ» (с. 287). Это было весьма масштабное мероприятие: из более 1 300 докладов, присланных на конференцию, было отобрано для выступлений 124 (с. 286). Серьезной критике в ходе работы конференции подверглась распространенная идея о возможности корректировки цен на базе компьютерных расчетов. Важный вклад в поворот к использованию рыночных инструментов, т.е. индивидуальных экономических стимулов в тот период, внесли такие экономисты, как Сунь Ефан, Чжао Жэнъвэй и Дэн Лицюнь.

По итогам этих конференций, а также с учетом позитивных результатов реформ в сельском хозяйстве и текстильной промышленности (с. 278) преобладающим стало мнение о приоритетности внедрения на практике «двухколейной» системы цен, обеспечивающей более короткое по времени достижение рыночного баланса. Де-факто это означало поворот производства к ориентации на рынок. Как справедливо отмечает И. Вебер, у «двухколейной» системы нет конкретного автора, но есть точная дата, когда было принято Решение ЦК КПК о проведении структурной экономической реформы — 20 октября 1984 г. В течение нескольких месяцев рыночное ценообразование в «двухколейном» формате распространилось с сельского хозяйства на всю экономику, включая сырье и топливо. При этом государственным торговым сетям, которые играли важнейшую роль в плановой системе, в ходе реформы предписывалось не только проводить торговые интервенции для стабилизации цен, но и активно «создавать рынок», нивелируя неравный доступ к информации — проще говоря, сводить между собой потенциальных продавцов и покупателей (с. 294). Решение придерживаться «двухколейного» подхода при переходе к рыночным ценам вместо «шокового» Чжао Цзыяна сообщил миссии консультантов Всемирного банка на встрече 7 марта 1985 г. (с. 298). Показательно, что это произошло всего лишь за несколько дней до прихода к власти М.С. Горбачева.

«Двухколейная» система только-только начала работать в масштабе страны, однако китайские власти параллельно уже прорабатывали следующий шаг — полную либерализацию цен. Альтернативный «двухколейной» системе проект был предложен в июле 1985 г., а в сентябре 1985 г. при участии Всемирного банка состоялась знаменитая конференция на судне «Башань», участники которой были принятые лично Чжао Цзыяном. И. Вебер подробно анализирует взгляды Я. Корнаи, впоследствии много писавшего о Башаньской конференции.

Автор монографии характеризует предложения венгерского экономиста по продвижению реформ в Китае («осуществлять одним ударом») как рецепт «шокового терапевта» (с. 330–331). Под влиянием иностранных и китайских сторонников «шоковой терапии» Чжао Цзыян стал постепенно склоняться в сторону «легкого и ясного решения» (с. 335), т.е. одномоментного отпуска всех цен. С целью подготовки страны к этому шагу в 1985 г. был серьезно ужесточен макроэкономический контроль. В апреле 1986 г. был готов рассчитанной на 2 года план ценовой реформы, выдержанной в логике «кратковременной боли ради долгосрочной выгоды», концептуально поддержанный Дэн Сяопином и Всемирным банком.

Однако в итоге Чжао Цзыян поменял свое решение, а Китай, по мнению автора, в 1986 г. «чудом избежал „большого шока“» (с. 369). Свою роль сыграли возражения известного ученого-экономиста Ли Инина, а также выводы делегации ученых во главе с Гао Шанциаонем, полученные в Венгрии и Югославии. Примечательно, что эта поездка была организована фондом Дж. Сороса. Американский миллиардер стремился к падению коммунизма в своей родной Венгрии и рассчитывал, что быстрые рыночные реформы в Китае покажут пример Восточной Европе. Однако состоявшийся летом 1986 г. масштабный (более 100 встреч) визит в Венгрию и Югославию возымел обратный эффект. Местные панировщики и руководители, как выяснилось, в отличие от теоретиков-экономистов, рассматривали реформу цен не как «быструю боль», а как трудный длительный процесс. В итоге в отчете делегации содержалось ясное предупреждение о том, что одномоментная либерализация чревата инфляцией и противоречит задаче создания рыночных институтов. Интересна ремарка о том, что разочарованный Дж. Сорос охарактеризовал не оправдавших его надежды китайских экономистов из состава делегации как «бюрократов, стремившихся служить правительству» (с. 361). В итоге Чжао Цзыян сделал выбор в пользу оживления предприятий на микроуровне, одновременно с которым проводить радикальную реформу цен невозможно. В свете этого решения, которое в свое время не было официально обнародовано, становятся понятны многочисленные эксперименты с моделями управления предприятиями, буквально обрушив-

шиеся на страну в 1987 г. (в том числе различные варианты подряда — на приращение имущества, на объем прибыли и т.д.).

Повторно «шоковая терапия» вернулась в актуальную повестку весной 1988 г., причем по инициативе Дэн Сяопина. И. Вебер приводит версию (с. 407) о том, что на Дэн Сяопина повлиял Ли Тein, который после Чжао Цзыяна возглавил Комиссию по структурной экономической реформе (сам Чжао Цзыян к тому времени стал уже генсеком КПК). В мае по настоянию Дэн Сяопина руководство страны одобрило программу быстрой либерализации цен, однако на этот раз без сопровождения требовавшихся в рамках неоклассического подхода жестких макроэкономических мер. Высокой инфляции реформаторы в данном случае не придавали большого значения, ссылаясь на латиноамериканский опыт⁶, а возможные недовольства были готовы минимизировать за счет субсидий и силового аппарата, как в Чили (с. 411). Дэн Сяопин рассчитывал, что полная стабилизация займет не более 3–5 лет, в течение которых цены вырастут в среднем на 70 % (с. 414).

Сторонники «двуухолейной» модели предприняли попытки остановить непродуманную реформу. В июне 1988 г. они посетили ФРГ, где от «шоковой терапии» их отговаривал лично Г. Гирш, тогдашний президент главного сообщества неолиберальных экономистов-рыночников «Мон Пелерин». Тем не менее 19 августа 1988 г. о начале ценовой реформы было широко объявлено через партийные СМИ. В результате движимое страхом обесценивания сбережений население в панике начало скупать товары, что спровоцировало дефицит. Индекс роста потребительских цен увеличился с 12 % годовых в июле до 23 % в августе.

Столкнувшись с таким развитием событий, осенью 1988 г. Дэн Сяопин остановил радикальную либерализацию цен из-за опасений подорвать авторитет КПК, необходимый для долгосрочных реформ. Не помог и организованный сторонниками «шоковой терапии» визит в КНР главного идеолога разгосударствления Милтона Фридмана в октябре 1988 г. (с. 416). Были введены меры по стабилизации цен на почти 400 ключевых товаров, на многие возвращены «двуухолейные» цены. Однако быстро побороть инфляцию не получилось, и, как считают некоторые исследователи, это стало одним из факторов, приведших к широкомасштабным протестам весной 1989 г.

⁶ В мае 1988 г. при финансовой поддержке Дж. Сороса делегация китайских экономистов с целью изучения опыта рыночных преобразований посетила Бразилию, Чили, Мексику, Аргентину и Венесуэлу.

В итоге либерализация цен была проведена с третьей попытки в 1992–1993 гг. и прошла, в целом, достаточно безболезненно. Можно сделать вывод, что четырехлетней паузы в реформах оказалось достаточно для того, чтобы зарождающиеся рыночные механизмы адаптировались к освобождению цен, в том числе и на ключевую продукцию и сырье. К настоящему времени в КНР почти не осталось товаров, цены на которые устанавливаются правительством.

Изабелла Вебер неплохо отслеживает общую динамику цен в пореформенном Китае. Как известно, за прошедшие со старта преобразований сорок с лишним лет они выросли довольно значительно: потребительские цены примерно в 7 раз, розничные цены — в 5 раз. Однако годовые индексы роста потребительских цен превысили 10-процентную отметку считаное число раз — 1988–1989 и в 1993–1995 гг. Пожалуй, вне внимания автора остался лишь один значительный ценовой рывок — 1991 г. Тогда было проведено масштабное урегулирование заниженных «твердых» цен, в том числе на транспортные тарифы, стальной прокат, энергоносители, а также на зерно и масло нормированного снабжения, которые боялись трогать в течение 25 лет. В частности, цены на зерно (рис, муку, кукурузу) были с 1 мая 1991 г. повышенны на 67 %, на 6 видов растительного масла — на 169 %. Решительность китайского руководства в данном случае объясняется тем, что после июньских событий 1989 г. какие-либо протесты населения были исключены. Впрочем, это относительное упощение автора монографии вполне объяснимо: данный факт приводится в единственном источнике — в первой по времени выпуска серийной работе «Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае за 1992 г.» (1992年中国: 经济形势分析与预测).

Наибольший интерес представляют те разделы монографии немецкой исследовательницы, в которых речь идет не о ценах непосредственно, а о тех дискуссиях, которые предваряли решения лидеров страны по вопросам реформирования и выбора модели преобразований. Автор убедительно показывает значительную роль зарубежных ученых-экономистов в этом процессе, особенно поляка Владзимежа Бруса и чеха Ота Шика. При этом парадоксальным образом команда восточноевропейских «консультантов по спасению социализма» состояла преимущественно из экономистов, положавших социализм обанкротившимся и принципиально нереформируемым (с. 237). К сожалению, фактически «выпал из обоймы» Режё Ньерш из Венгрии, первым разработавший тео-

ретические основы «двухколейной» системы цен. Впрочем, если в конце 1970-х гг. китайские экономисты действительно жадно учились у восточноевропейских и западных коллег, то ближе к концу 1980-х гг. ссылки на зарубежных экспертов использовались в основном для подкрепления своего мнения в глазах руководства в соответствии с китайским выражением «Повышать свой статус за счет опоры на внешние силы или авторитет» (挟洋自重) (с. 334).

Нельзя не отметить, что автор обогащает историческую перспективу ценовой реформы 1980-х гг. несколькими дополнительными, но весьма яркими сюжетами. Первый из них — подходы к регулированию цен, изложенные в древнекитайских трактатах «Гуань-Цзы» (管子) и «Споре о соли и железе» (盐铁论). Оба документа были написаны задолго до наступления нашей эры. Автор сразу оговаривается: древнекитайские тексты напрямую не объясняют принятые в 1980-е гг. решения, они лишь призваны проиллюстрировать характерное для китайского госуправления представление о роли государства и рынка в ценообразовании. Главное из них — государство не только может, но и обязано участвовать наравне с частными игроками в торговой деятельности. Мудрый правитель использует государственные возможности по созданию долговременных запасов (в первую очередь зерна), когда они в избытке, для поддержания предложения с помощью товарных интервенций в периоды дефицита. Такая контрциклическая политика баланса товаров и денег в «Гуань-Цзы» получила название *цинчжун* (轻重, или принцип «легкий – тяжелый»), и позволяла поддерживать справедливый уровень цен, не допуская разорения крестьян и сверхприбылей торговцев.

В «Споре о соли и железе» приводятся аргументы двух школ мысли. «Придворный сановник» (大夫) отстаивает необходимость «дирижизма» в форме государственных монополий на соль, железо, алкоголь и другие товары, позволяющие наполнять казну и финансировать защиту границы. Ему оппонирует «учебный» (贤良文学), продвигающий более либеральные идеи — замену госмонополий налогами, сокращение регулирования и военных расходов, а также борьбу с привилегиями чиновников. Практика ценовой политики проиллюстрирована действиями реформаторов Сан Хунъяна (II век до н.э.) и Ван Аньши (XI век н.э.). В своей монографии И. Вебер неоднократно подмечает параллели между «двухколейной» системой и использовавшимся в древнем Китае методом экономического управления («держать то, что тяжело, и отпустить то, что легко» —

т.е. дифференцированная ценовая и закупочная политика в разных товарных группах), тем самым прослеживая генетическую преемственность подходов к ценообразованию в китайской истории.

Следующий весьма познавательный «рекференсный» сюжет касается борьбы с инфляцией в ведущих капиталистических странах во время Первой и Второй мировых войн и в годы послевоенного восстановления. Автор подробно знакомит читателей с предлагавшимися ведущими экономистами той эпохи (Дж.М. Кейнс в Великобритании, Дж.К. Гэлбрэйт и Э. Хансен в США и др.) способами остановить рост цен в условиях быстрого нарашивания бюджетных военных и сопровождающих расходов. Весьма уместно и упоминание о малоизвестном у нас теоретическом споре западных экономистов 1930–1940-х гг., связанном с определением цен при социализме (*Socialist Calculation Debate*). Наибольшее же внимание уделено практической деятельности американского Управления по регулированию цен (Office of Price Administration, OPA), которое просуществовало с 1940 по 1947 г. Для пост-маоистского хозяйства КНР начала 1980-х гг. было релевантно изучение перехода от военной к гражданской экономике, включая отказ от прямого регулирования цен и возвращение к рыночным принципам функционирования экономики. В данном случае важно, что это не просто абстрактные академические сравнения — по утверждению автора, многие из интервьюируемых специалистов-реформаторов обращались именно к послевоенному опыту западных стран.

Третий сюжет связан с успехами китайских коммунистов, которым по пришествии к власти удалось в конце 1940-х гг. стабилизировать цены. Как известно, именно многолетняя инфляция стала одной из причин непопулярности республиканского (гоминьдановского) правительства под руководством Чан Кайши. Новый ценовой курс был реализован посредством создания масштабной государственной торгово-закупочной сети (с. 140). Некоторые из руководителей 1980-х гг. принимали непосредственное участие в этом процессе и воспринимали ценовую политику того периода в качестве образца.

В заключении автор справедливо указывает, что идеологические дебаты второй половины 1980-х гг. велись, по большому счету, между идеалистами и реалистами. Рыночники-идеалисты исходили из существования знания о некоем целевом состоянии экономики и пути, который туда приведет. Это значит, что задача — «на берегу» сформулировать план действий

и в дальнейшем максимально точно его придерживаться. Представители прагматической школы мысли, в свою очередь, руководствовались тем, что ни путь, ни конечное состояние китайской экономики достоверно не могут быть известны. По их мнению, нужно анализировать каждую ситуацию в отдельности и каждый следующий реформаторский шаг совершать только после тщательного анализа последствий предыдущего, не поддаваясь соблазну действовать по лекалам.

Есть в монографии и спорные моменты. Так, автор неоднократно говорит о наличии поколенческого разрыва среди китайских экономистов: средний возраст — сторонники «шоковой» либерализации, союз молодых и пожилых экономистов — скорее против. Однако большое число молодежи — как среди рыночников, так и среди «умеренных» — ставит этот тезис под сомнение. Кроме того, в книге отсутствует изучение влияния взглядов Н.И. Бухарина на китайскую экономическую мысль. К примеру, автор, высказывая свои соображения относительно влияния древнекитайских представлений на дебаты о ценообразовании 1980-х гг., ссылается на то, что с 1978 по 1992 г. (ежегодно) публиковалось по 3–7 статей, в которых упоминались экономические поступаты «Гуань-Цзы» и «Спора о соли и железе» (с. 37–38). Однако в этот же период появилось не меньше статей и материалов, посвященных экономическим взглядам Н.И. Бухарина. Представляется, что активизация интереса к наследию этого раннесоветского политического деятеля, рост числа переводов его работ на китайский также задал определенную рамку для теоретического поиска китайских экономистов. В частности, известно, что работами Н.И. Бухарина много занимался один из виднейших политологов 1980-х гг. Су Шаочжи.

Таким образом, основная идея книги заключается в том, что к концу 1988 г. Китай прошел через две попытки «шоковой» либерализации цен и дважды отказался от нее. Важную роль в отказе от «шоковой терапии», конечно, сыграло наличие достаточно успешного альтернативного подхода, опробованного в ходе экспериментов на местах. Над реформой работали различные научные группы с широким привлечением иностранных консультантов, проводились масштабные эксперименты на местах, результаты которых становились важными аргументами при принятии решений. Еще одним фактором противостояния «шоковой терапии» была неготовность к серьезным политическим изменениям, необходимость которых подспудно транслировалась приглашенными иностран-

ными консультантами и рядом местных ученых. К сожалению, этот опыт, по большому счету, не был учтен отечественными проектировщиками реформы цен, которые начали их на несколько лет позже. В итоге ценовая либерализация в КНР была проведена в первой половине 1990-х гг. и не вызвала гиперинфляции.

Добротный в целом перевод на русский язык монографии Изабеллы Вебер стал бы лучше, если бы к редактированию текста были

привлечены специалисты-китаеведы. А при работе над первой главой, посвященной древнекитайским дебатам об экономическом управлении, было бы правильным опираться на существующие комментированные переводы, выполненные выдающимися ленинградскими востоковедами Виктором Морицевичем Штейном⁷ и Юрием Львовичем Кролем⁸. К примеру, вышеупомянутый цинчжун был переведен как «принцип стабилизации и хозяйства».

Портяков Владимир Яковлевич

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000–0001–9188–2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Чубаров Илья Георгиевич

Кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000–0002–4672–6566. E-mail: ilya.chubarov@vk.com

Book Review: Isabella M. Weber. How China Escaped Shock Therapy: The Market Reform Debate. Translated by Anna Vasilyeva. Yerevan: Fortis Press, 2024. 520 p.

Vladimir Ya. Portyakov

Dr.Sc. (Economics), Professor, Chief Researcher, Center for Political Studies and Forecasting, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000–0001–9188–2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Ilya G Chubarov

Ph.D. (Geographical Science), Senior Researcher, Center for Political Studies and Forecasting, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–4672–6566. E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

⁷ Штейн В.М. Гуань-цзы: Исследование и перевод. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 380 с.

⁸ Хуань Куйань. Спор о соли и железе (Янь те лунь) : [в 2 т.] / пер. с кит., введ., коммент. и прил. Ю.Л. Кроля. М.: Восточная литература, 2001.